

Чу Янь выпустил из рук бьющуюся голубку и хмуро поднёс записку к огню.

Время пришло...

Пляшущие языки пламени озаряли его лицо неровным, колеблющимся светом. Решиться ли? Но Тянь Цаньцюэ далеко не глуп. Стоит сделать неверный шаг, и он тут же всё поймет.

Чу Янь колебался.

«Разве у меня есть выбор?»

Вспомнив былые годы скитаний и унижений, когда он опустился на самое дно, Чу Янь зажмурился. Колебания исчезли. Решение было принято.

Прикрыв лицо темной маской, он бесшумно приоткрыл дверь. Быстро осмотрелся, выскользнул наружу и, притворив за собой створку, тенью растаял в ночи, перемахнув через ограду усадьбы.

Он и не догадывался, что мгновение спустя в тишине двора скрипнула другая дверь.

Тянь Цаньцюэ в простом зеленом одеянии стоял на пороге, сжимая в руке обнаженный меч. Некоторое время он пристально всматривался в то место, где Чу Янь перепрыгнул через стену, затем тихо вздохнул и неспешно зашагал в противоположную сторону.

На следующий день

— Цань, — Чу Янь крутил в руках его меч, делая вид, будто разглядывает узоры на гарде, и как бы невзначай спросил: — Почему за все эти месяцы сюда никто не заглядывал? Да и ты сам ни разу не перешагнул порог усадьбы.

— Не было нужды, — коротко отозвался Тянь Цаньцюэ.

— Вот как... — пробормотал Чу Янь, чувствуя, как внутри всё предательски сжалось.

Возможно, виной тому была нечистая совесть, но ему показалось, что сегодня Тянь Цаньцюэ ведет себя как-то иначе.

Однако нарастающая тревога и жажда поскорее выбраться отсюда заставили его отбросить сомнения.

— Цаньцюэ, — с трудом сдерживая нетерпение, спросил он, — когда я смогу уйти?

Тянь Цаньцюэ коснулся струн циня. Одинокий, резкий звук взмыл под потолок и медленно растаял.

— Ты так спешишь? — тихо спросил он после долгого молчания.

— Ну... — Чу Янь растерялся. Тон Цаньцюэ показался ему необычайно резким, даже суровым.
— Я обещал старому другу встретиться в назначенный срок... Время уже на исходе.

— Вот как?

Тянь Цаньцюэ вновь умолк. Его пальцы едва заметно перебирали струны, и случайные, оборванные ноты одна за другой срывались во тьму комнаты.

Вглядываясь в безупречный, точно высеченный из нефрита профиль друга, Чу Янь лихорадочно перебирал в памяти свои последние шаги. Неужели он выдал себя? Ошибся? Время тянулось невыносимо медленно, напряжение росло, грозя перерасти в панику, как вдруг Цаньцюэ нарушил тишину.

— Верь мне, — едва слышно произнес он.

— Что? — не понял Чу Янь, опешив от этих слов.

Тянь Цаньцюэ повернулся и посмотрел ему прямо в глаза. Каждое слово он выговаривал отчетливо, веско:

— Просто верь мне. Я сделаю всё, чтобы ты покинул это место целым и невредимым.

«Верь мне. Только так мы сможем вырваться из этого ада... И ты, и я»

Чу Янь оцепенел. Не выдержав этого прямого, пронзительного взгляда, он отвел глаза и натянул на лицо вымученную улыбку:

— Конечно я верю тебе, Цань. Просто...

— Потерпи еще немного, — Тянь Цаньцюэ отвернулся к окну, разглядывая набухшие почки на тонких ветвях. — Всего несколько дней.

«Еще пару дней... До моего дня рождения. До срока, который мы наметили с Исюанем»

«Мой день рождения... Случайность это или злой рок?»

Он окинул взглядом высокие серые стены усадьбы, надежно отгородившие их от остального мира.

«Весна уже на пороге. Но суждено ли мне увидеть её там, на воле?..»

— Но почему... — начал было Чу Янь, но Тянь Цаньцюэ резко поднялся с места, не дав ему договорить.

— Мне нужно отлучиться.

Бросив эту короткую фразу, он направился к выходу. Чу Янь проводил его ошеломленным взглядом — за все месяцы их добровольного заточения Цаньцюэ впервые решил покинуть пределы двора.

«Почему именно через несколько дней?»

Чу Янь смотрел вслед удаляющейся фигуре. Лицо его то покровительственно разглаживалось, то вновь шло хищными складками, а в глубине зрачков зажегся недобрый, холодный огонек.

Выйдя за ворота усадьбы, Тянь Цаньцюэ направился напрямик к Тянь Исюаню.

— Цаньцюэ приветствует главу дворца, — он склонился в глубоком поклоне и, не дожидаясь дозволения говорить, глухо произнес: — У меня есть просьба.

— Просьба? — Тянь Исюань окинул стоявшего перед ним на коленях юношу ленивым взглядом. Приподняв бровь, он выдержал томительную паузу и небрежно бросил: — И о чем же ты хочешь просить?

Вместо того чтобы сразу ответить, Тянь Цаньцюэ задал встречный вопрос:

— Если через три дня окажется, что Чу Янь мне не доверяет... что с ним будет?

— Что с ним будет? Да кто же знает... — Тянь Исюань лениво прикрыл рот ладонью, подавляя зевоту. — Всё зависит от моего настроения. — Он сощурился, пронизательно оглядывая юношу. — И ради этого ты пришел?

— Нет, — Тянь Цаньцюэ стиснул зубы и склонил голову еще ниже. Его голос звучал сухо и безжизненно. — Если я проиграю в этом споре... умоляю, позвольте мне покинуть Дворец Поднебесной. Хотя бы на время.

В покое воцарилась тяжелая, удушливая тишина. Слышно было лишь их прерывистое дыхание. Внезапно Тянь Исюань негромко рассмеялся — искренне, с явным удовольствием.

— Так ты ему не веришь? — он медленно подошел к юноше и бесцеремонно вздернул пальцами его подбородок, заставив посмотреть на себя.

В его глазах плясало веселье, но для Тянь Цаньцюэ этот взгляд был холоднее льда.

Лицо Тянь Цаньцюэ сделалось мертвенно-бледным. Он поспешно отвел взор, а его плечи мелко задрожали — то ли от накатившего страха, то ли от жгучего чувства вины.

— Хм, — Тянь Исюань разочарованно хмыкнул, отпуская его. Забава быстро приелась, уступив место пренебрежительной скуке. — Ладно. Раз уж ты так просишь, пусть будет по-твоему. Но у тебя есть только два года. Через два года ты обязан вернуться во дворец. В противном случае...

Он не договорил, лишь тихо рассмеялся — зловеще и предвкусаяюще, будто в тайне надеялся, что юноша посмеет нарушить клятву.

— Слушаюсь, — Тянь Цаньцюэ глубоко вздохнул, стараясь унять дрожь.

«Я ведь должен верить ему... Должен верить в человечность!»

Он всё еще стоял на коленях, и холод каменных плит давно выморозил суставы, лишив ноги чувствительности. Но эта физическая онемелость не могла заглушить крик израненной души.

Три дня спустя

Чу Янь как раз лихорадочно просчитывал пути отхода, когда Тянь Цаньцюэ, до этого безмолвно сидевший в углу, медленно поднялся.

— Время пришло, — тихо произнес он.

— Какое время? — растерялся Чу Янь.

Договорить он не успел. Ворота усадьбы распахнулись, и во двор неторопливо вошел Тянь Исюань в окружении многочисленной свиты.

При виде главы дворца Чу Янь мгновенно побледнел, став белым как полотно. Его затрясло от подступившего ужаса.

Тянь Цаньцюэ шагнул вперед, преграждая путь незваным гостям, и низко склонился перед правителем:

— Цаньцюэ приветствует главу дворца.

— А я-то гадал, куда ты подевался, мелкая крыса, и почему тебя нигде не могут сыскать. Оказывается, ты решил спрятаться именно здесь, — Тянь Исюань даже не взглянул на Цаньцюэ. Его тяжелый, насмешливый взгляд впился в застывшего от страха Чу Яня. — Отличное место выбрал, ничего не скажешь. Впрочем, теперь это уже не важно.

— Глава дворца, — Тянь Цаньцюэ украдкой скользнул взглядом по Чу Яню. — Прошу вас, пощадите его. Он не причинил никакого вреда Дворцу Поднебесной. Позвольте ему уйти.

Произнося эти слова, юноша чувствовал, как к горлу подступает тошнота от собственной лжи. Всё это представление казалось ему диким, донельзя нелепым фарсом, от которого веяло безысходной тоской.

«Надо же... Я научился лгать, даже глазом не моргнув...»

— Пощадить? — Тянь Исюань наконец удостоил юношу холодным взглядом. — Даже если он не успел ничего украсть, сам факт того, что он тайно проник во Дворец Поднебесной, нельзя спустить на тормозах. Какое наказание за это положено, напомнить?

— По закону Дворца... три удара мечом, — после недолгой паузы ответил Тянь Цаньцюэ.

Не успел Чу Янь и глазом моргнуть, как Цаньцюэ молниеносным движением выхватил клинок у него из рук. Чу Янь похолодел, пальцы его невольно сжались в кулаки. Понимая, что бежать некуда, он мысленно приготовился терпеть боль от ударов.

— Я приму это наказание за него, — ровным, лишенным эмоций тоном произнес Тянь Цаньцюэ.

Прежде чем кто-то успел его остановить, он трижды вонзил острие клинка в собственное тело. Сталь глубоко вошла в плоть, окрашивая одежду багровым. Юноша лишь покачнулся, его лицо сделалось белым как мел, но взгляд остался тверд.

Тянь Исюань молча созерцал, как кровь расплзается по зеленой ткани широким темным пятном. На его губах заиграла зловещая ухмылка:

— Какое благородство, какая преданность... Жаль только, — он смерил юношу полным издевки взглядом и вкрадчиво добавил: — Ты просишь за него, а он, похоже, платить взаимностью не собирается.

Тянь Цаньцюэ не успел осмыслить эти слова, как его горла коснулось ледяное прикосновение стали.

— Глава дворца Тянь! Если не хотите, чтобы ваш сын расстался с жизнью, лучше отпустите меня подобру-поздорову! — раздался из-за спины хриплый, злой шепот.

Тянь Цаньцюэ замер. Лицо его не выражало абсолютно ничего — возможно, он просто уже не знал, как реагировать на происходящее.

Холод меча, прижатого к горлу, просочился сквозь кожу, ледяным ядом побежал по венам и вонзился прямо в сердце острой, безжалостной иглой.

Эта боль была настолько сильной, что Тянь Цаньцюэ едва сдержал желание согнуться пополам. Никогда еще мгновения не тянулись для него так мучительно долго.

— Уж прости, Цаньцюэ. Мне действительно было хорошо с тобой все эти месяцы, но у меня есть долг, который я обязан исполнить, — на словах Чу Янь выказывал сожаление, однако его взгляд оставался хищным и сосредоточенным. Он не сводил глаз с Тянь Исюаня, а клинок у шеи заложника не дрожал ни на долю дюйма.

«Прости?.. Надо же, сегодня мой день рождения, и это поистине великолепный подарок...»

Тянь Цаньцюэ безумно хотелось рассмеяться в лицо предателю, но он обнаружил, что у него нет сил даже на то, чтобы шевельнуть губами. Он медленно прикрыл глаза. Душевная боль утихла, сменяясь мертвенным холодом.

Губы юноши дрогнули, беззвучно складываясь в едва различимые слова, которые никто вокруг так и не услышал — даже стоящий вплотную Чу Янь, сжимающий в руках окровавленный клинок.

«Не стоит...»

«Не нужно извиняться. Ведь всё это...»

А спор между Чу Янем и главой дворца тем временем продолжался.

— Ты смеешь мне угрожать? — с легкой улыбкой, в которой сквозило опасное любопытство, спросил Тянь Исюань.

— Лишь использую единственный шанс, — Чу Янь оскалился и слегка надавил на рукоять. Острое лезвие мгновенно рассекло нежную кожу на шее Тянь Цаньцюэ, и тонкая струйка крови побежала вниз по блестящей стали. — Оружие вашего сына действительно великолепно

сбалансировано. Советую вам побыстрее принять решение, глава дворца. Мои руки изрядно устали, и если они случайно дрогнут, вам будет слишком поздно каяться.

Тянь Цаньцюэ слушал эти препирательства со свинцово-тяжелым безразличием. Когда Чу Янь умолк, юноша устало вздохнул и тихо произнес:

— Глава дворца... Вы победили.

Чу Янь оторопел от этих слов, на миг ослабив хватку. Этого мгновения Тянь Цаньцюэ хватило с лихвой — резким, неуловимым движением он перехватил запястье предателя и вырвал оружие.

Сделав шаг назад и опустив клинок острием вниз, он низко склонился перед Тянь Исюанем:

— Цаньцюэ молит главу дворца отпустить его с миром.

— Отпустить? — Тянь Исюань изогнул бровь, глядя на алую полосу, горевшую на шее юноши. В его голосе зазвучала откровенная издевка: — Этот ничтожный червь едва не перерезал тебе горло... а ты просишь даровать ему жизнь?

«Предал?..»

Тянь Цаньцюэ горько усмехнулся.

— Моя вина... — прошептал он. — Ни один человек не имеет права испытывать чужую верность. Тем более что человеческая природа слишком слаба, чтобы выдержать подобную проверку.

Да, человеческая душа хрупка и уязвима. И тот позорный финал, который он разыграл сегодня — лишь закономерный итог его собственного глупого высокомерия. Он сам навлек на себя эту беду.

— Ты уверен? — Тянь Исюань прищурился, и в его глазах снова вспыхнул искристый азарт хищника. — Даже если за эту глупость тебе придется заплатить непомерную цену?

— Моя вина... — не отвечая прямо, без конца повторял Тянь Цаньцюэ, уставившись в одну точку пустым взглядом.

— Что ж, пусть будет так, — хмыкнул Тянь Исюань и небрежно хлопнул в ладоши.

Из толпы тут же вышли двое стражников. Они бесцеремонно схватили раненого Тянь Цаньцюэ под руки и поволокли со двора.

Юноша не сопротивлялся. Позволяя уводить себя, он покорно опустил голову и больше ни разу не взглянул ни на бледного, растерянного Чу Яня, ни на кого-либо еще в этом Богом забытом месте.

<http://bllate.org/book/19906/2039262>